

Ночь сгущалась.

Они сидели друг напротив друга. Гу Чэньюй, скрестив ноги, медитировал на мягкой лежанке. Из коридора время от времени доносились беспорядочные шаги, но чаще слышался лишь едва различимый шум волн.

[Юйцзай, Юйцзай, слышал? В этих местах есть знаменитое вино — «Хуашяцзуй». «Ища цветы, не замечаешь, как пьянеешь от закатных облаков; уснув под деревом, просыпаешься, когда солнце уже клонится к западу». Раз уж приехали сюда, не хочешь попробовать?]

При свете тихо горящей свечи Гу Чэньюй устало потёр переносицу. Длинные ресницы отбрасывали на лицо мелкие тени. Ещё мгновение назад он выглядел вялым, но при словах Линлинци тут же оживился.

Какое вино?

Где хорошее вино?

В прошлой жизни Гу Чэньюй любил выпить, особенно крепкое. Для полного счастья ему обязательно надо было распечатать целый кувшин и пить вволю. Вот только, несмотря на любовь к спиртному, непобедимой стойкостью он не отличался: после половины кувшина обычно терял сознание, засыпал где-нибудь у дороги, а Фу Сыюань потом вытаскивал его из очередной богом забытой щели.

Иными словами...

Пить не умеет, но очень любит.

Если бы старший не заговорил, Гу Чэньюй ещё бы терпел. А теперь во рту у него и правда пересохло. Стоило вспомнить, как обжигает горло крепкое вино, и он вдруг понял: с самого перерождения ещё ни капли не пил!

Фу Сыюань заметил перемену и решил, что тот устал. Он накинул на плечи юноши верхнюю одежду и пересел с места напротив почти вплотную, так что мог уловить исходящий от него тонкий аромат.

— Устал — отдохни. Культивация никуда не убежит.

В прошлой жизни А-Тан постоянно твердил ему, что пить вредно, следил за тем и за этим. Гу Чэньюй ухватился за удобный повод и начал выталкивать Фу Сыюаня за дверь.

— И правда устал. А-Тан, я спать! Всё, сплю-сплю-сплю. До завтра.

Юноша широко и ярко улыбнулся, ослепив Фу Сыюаня, а затем — хлоп! — закрыл перед ним дверь.

Оставшийся снаружи Фу Сыюань приподнял бровь и задумчиво постучал пальцами.

[Не прогадаешь, не переплатишь! Пошли-пошли, вылезай через окно...]

Ночной ветер над рекой Цанлан был прохладным и приятно освежал.

Торговое судно было небольшим и вообще не предназначалось специально для пассажиров. Под палубой располагался грузовой трюм, а каюты находились на втором и третьем уровнях. Гу Чэньюй как раз спрыгнул из окна своей каюты второго уровня на палубу.

Была уже полночь, а где-то всё ещё звучали струнные и духовые инструменты.

Мелодия показалась знакомой. Гу Чэньюй не мог вспомнить название, но вроде бы это была песня из Южного посёлка.

Юноша огляделся и, найдя предлог, завёл разговор с корабельным слугой.

— Ох, господин, вы прямо к нужному человеку обратились! Вино нашей хозяйки Юнь славится на десятки ли — пьянит так, что будь здоров.

— В задней каюте на третьем уровне. Пара шагов — и вы на месте.

Гу Чэньюй направился туда и вдруг заметил, что мелодия становится всё отчётливее, будто каждый звук отдельно стучится ему в сердце. Он одной рукой приподнял тканевую занавесь — и увидел изящную спину женщины.

[Ого-о! Красавица! Силуэт в дымке, тонкая талия — загляденье. Вот уж правда: где есть Лун Аотянь, там обязательно найдётся красавица.]

— Госпожа Юнь?

Госпожа Юнь не остановилась. Белые пальцы легко скользили по струнам, и музыка ускорилась.

Гу Чэньюй не стал стоять столбом. Он внимательно вслушался в ритм, затем на его ладони внезапно появилась зелёная листва. Поднеся лист к губам, он заиграл на нём — и чистый протяжный звук сплёлся с мелодией циня.

Один голос был твёрдым, другой мягким; они переплетались и отвечали друг другу, не создавая ни малейшей дисгармонии. Каждый переход звучал точно в нужный момент.

Когда пьеса закончилась, Гу Чэньюй сложил руки в приветствии.

— Эта «Вечерняя песня рыбацкой лодки» достойна называться непревзойдённой.

Женщина подняла взгляд, внимательно его рассматривая, и неторопливо встала.

— Высокие горы и текущие воды сводят родственные души. Юньнян приветствует юного друга. Вы тоже пришли за вином?

— Да.

— На вид вы ещё совсем молоды. Неужели тоже хотите заливать вином печали?

Гу Чэньюй замолчал.

Просто прожорливый до выпивки мальчишка любит пить. Есть у него печали или нет — вопрос второй.

— Мир непредсказуем.

Красивые брови госпожи Юнь слегка нахмурились. Похоже, слова задели её за живое.

— Да... мир и правда непредсказуем.

Женщина плавно поднялась и вскоре вынесла из внутренней комнаты кувшин вина.

— Последний кувшин «Хуашяцзуй». Забирайте. Медяки не нужны.

Гу Чэньюй принял вино и, тщательно подбирая слова, спросил:

— Госпожа Юнь, позвольте узнать, мелодия, что звучала вначале...

Он не успел договорить.

— «Возвращение ласточки». Песня Южного посёлка, — тихо ответила госпожа Юнь.

В её глазах таилась печаль. Сквозняк с реки прошёл через зал и поднял несколько прядей чёрных волос.

— У госпожи Юнь тоже есть тот, кого вы ждёте?

Она слегка улыбнулась.

— Мой младший брат три года назад ушёл из дома в армию. С тех пор ни единой вести. Я просто жду человека, который всё не возвращается.

— Центральная область давно объединена. В последние годы не было ни войн, ни крупных бедствий. Как же он мог совсем не подать вестей?

Юньнян покачала головой.

— Не знаю.

Гу Чэньюй поспешил утешить:

— Обязательно дождётесь. Не тревожьтесь.

Юнь Чжиюнь посмотрела на юношу, который явно не умел утешать людей и оттого немного растерялся, и выражение её лица смягчилось.

— Спасибо. Сколько вам лет, юный друг?

— Ше... шест... шестнадцать.

— Даже на два года младше моего брата. Если не возражаете, можете звать меня старшей сестрой Юнь.

— Конечно, не возражаю!

Гу Чэньюй глуповато улыбнулся, показав два острых клычка.

— Старшая сестра Юнь, спасибо за вино.

Юнь Чжиюнь прикрыла рот ладонью и рассмеялась.

— Скорее возвращайтесь в каюту. Вино очень крепкое, ещё уснёте прямо на палубе. На корабле хватает карманников, много не пейте и берегите здоровье.

.....

Старшая сестра Юнь не обманула.

«Хуашяцзуй» было очень крепким.

Гу Чэньюй даже не понимал, из чего его делали. Стоило открыть кувшин, как резкий винный аромат ударил прямо в лицо. Напиток был прозрачным и чистым, сиял, словно жидкое стекло.

Глаза юноши загорелись. Он сделал большой глоток — и тут же закашлялся.

— Кхе-кхе-кхе... ух... вот это вино!

Едва жидкость коснулась губ, в носу зашипало. Сначала кончик языка уловил лёгкую сладость, но почти сразу она сменилась обжигающей остротой. Жар прокатился по горлу, затем словно грубой волной прошёл по пищеводу и опустился до самого желудка.

— Кхе-кхе-кхе...

[Ну и какой вкус? Опиши.]

Услышав это, Гу Чэньюй снова глотнул. Густая имбирная острота смешалась с крепостью и ударила в голову. Пальцы, державшие кувшин, побелели, а лицо быстро залилось румянцем. Жар из желудка поднялся вверх, и на уголках глаз выступили слёзы.

— Отличное вино... Кажется, там имбирь. Очень острое.

[Какая острота? Всё время колет или идёт волнами?]

Юноша поджал губы, задумался и снова сделал большой глоток.

— Такая... от которой слёзы наворачиваются. Ах, хорошее вино!

[Сладости больше или горечи?]

— Сначала сладкое, потом горькое, а после горечи остаётся сладкое послевкусие.

[Неплохо-неплохо. Вот это действительно хорошо.]

[Не холодно? Целый кувшин — вот это удовольствие!]

— Да, удовольствие!

Пока один человек и одна система так обменивались вопросами и ответами, целый кувшин опустел.

Пить Гу Чэньюй умел посредственно, а тут ещё сразу взялся за такое крепкое вино. Голова стала пустой, взгляд затуманился. Он неподвижно уставился на стол.

[Ну-у...]

[Ты ещё помнишь про свой «Контракт?»]

Юноша, совершенно пьяный, распластался по столу, прогнувшись в пояснице. Кувшин с бульканьем скатился на пол, но он даже не заметил.

В голове царил туман.

Кто я?

Где я?

Что мне вообще было нужно?

Задание?

За... дание...

«Контракт?»...

Точно!

Договор Единого Сердца!

Юноша с силой хлопнул ладонью по столу.

Искать брата!

Скрипнула дверь.

Кто-то вошёл без приглашения.

Гу Чэньюй повернул голову, прищурился и долго пытался сообразить, кто это. Лишь когда человек подошёл совсем близко, он наконец узнал его и невнятно пробормотал:

— А... А-Тан... м-м...

<http://bllate.org/book/19829/1959944>